

1. Воробьев Г. Г. Документ. Информационный анализ. М., «Наука», 1973. 254 с.
2. Голованов В. Н. Законы в системе научного знания. М., «Мысль», 1970. 230 с.
3. Зеленецкий В. С. Понятие и классификация совокупности доказательств в советском уголовном процессе. — «Радянське право», 1971, № 1, с. 74—78.
4. Зеленецкий В. С. Конкурирующие потоки судебной информации. — В сб.: Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности следственного аппарата. Харьков, 1974, с. 33—50.
5. Коршунов А. М. Теория отражения и творчество. М., Политиздат, 1971. 254 с.
6. Куценко В. И. Социальная задача как категория исторического материализма. Киев, «Наукова думка», 1972. 370 с.
7. Пилипенко Н. В. Необходимость и случайность. М., «Наукова думка», 1965. 230 с.
8. Петров Ю. А. Логическая функция категорий диалектики. М., «Высшая школа», 1972. 270 с.
9. Шептулин А. П. Философия марксизма-ленинизма. М., Политиздат, 1970.
10. Яхот О. О. Необходимость и случайность. М., «Наука», 1956. 183 с.
11. Словарь иностранных слов. М., «Сов. энциклопедия», 1964.

Ю. М. Грошевой, канд. юрид. наук

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОПЫТА СУДЬИ В ФОРМИРОВАНИИ ЕГО УБЕЖДЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Процесс формирования убеждения профессионального судьи обусловлен наряду с другими факторами уровнем его профессионального правосознания, его навыками и опытом по правильному применению материального и процессуального закона [см. 2]. Нельзя не учитывать, что восприятие доказательственной информации, всего происходящего в судебном разбирательстве фиксируется, запоминается, мысленно обрабатывается судьей в существующей у него системе общеполитических, этических, профессиональных и житейских знаний, которые закрепляются в его профессиональном опыте.

Профессиональный опыт систематизирует, обобщает правовые знания судьи, его навыки и умение, помогает ориентироваться в доказательственной информации и «извлекать» из нее то, что действительно необходимо для правильного разрешения дела. Опыт судьи обуславливает особое профессиональное видение тех фактических обстоятельств дела, которые являются существенными для установления события преступления, виновности подсудимого, квалификации преступления, индивидуализации наказания.

Влияние профессионального опыта на формирование судьейского убеждения — проблема большая. В настоящей статье рассматриваются лишь некоторые вопросы, менее полно разработанные в литературе.

Судья, как известно, обладает известной системой правовых знаний и опытом разрешения уголовных дел, запечатлевшихся в его сознании в виде личностных типичных моделей — образов преступного поведения. Систематизация разрешенных под его председательством уголовных дел раскрывает судье содержание материальной нормы и требований процессуальной формы, которые фиксируются не только в субъективных оценках справедливости, эффективности, правильности нормативного предписания, но и выражаются в понимании им признаков состава преступления, описанных в законе, и тех правил ведения дела, которые установлены процессуальным законом. При этом, как подчеркивает Славин А. В., «относительно одинаковые, общезначимые, унифицированные образы формируются у людей одинаковых и смежных специальностей... Совокупность таких систем знаний определяет для каждого субъекта особое видение мира и соответствующие действия в определенных ситуациях» [3, с. 202].

Значение этих типичных моделей-образов (их еще называют иконическими моделями, функция которых заключается в наглядном представлении чувственно не воспринимаемых явлений) правомерно усматривать в некотором смысле в том, что они положительно влияют на процесс доказывания по уголовному делу, на формирование вывода и убежденности судьи в правильности принимаемого им решения. Эти модели являются своеобразным фильтром, через который «просеивается» доказательственная информация и актуализируется та, которая, по мнению судьи, позволяет сделать обоснованный вывод о наличии или отсутствии обстоятельств, устанавливаемых соответствующим процессуальным актом. Включаясь в мыслительный процесс судьи, эти модели «увеличивают» правдоподобие (не достоверность, а именно правдоподобие) воспринимаемой информации по рассматриваемому им делу.

Возрастание объема профессиональных знаний, серьезная ориентация в тех рекомендациях, которые вырабатываются, например, в криминалистике, судебной психологии, приводят к тому, что указанные модели повышают свою надежность, способствуют более рациональному получению доказательственной информации, что обеспечивает не только полноту, объективность, всесторонность судебного следствия, но и быстроту рассмотрения дела в суде.

В процессуальной литературе одни авторы рассматривают быстроту процесса в качестве принципа только предварительного следствия, другие — считают ее условием предварительного расследования, третьи — полагают, что она — принцип советского уголовного процесса [см.: 4—8]. Не рассматривая подробно эти точки зрения, отметим только, что быстрота уголовного судопроизводства закреплена в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, где она сформулирована в качестве одной из задач уголовного судопроизводства. Поэтому требование быстроты относится в равной мере как к производству предварительного расследования, так и к рассмотрению дел в суде.

Одним из выражений быстроты процесса в судебном разбирательстве уголовных дел является процессуальная экономия средств доказывания. Последняя в значительной степени обусловлена профессиональным опытом судьи и предполагает, во-первых, непрерывность судебного разбирательства, во-вторых, обнаружение и процессуальное закрепление с максимальной быстротой дополнительной доказательственной информации о фактах совершенного преступления, в-третьих, обеспечение в этой ситуации процессуальных прав и законных интересов участников судебного разбирательства. Достоверность информации во многом зависит от оперативности и своевременности производства процессуального действия в судебном следствии, посредством которого эта информация может быть получена и процессуально закреплена. Поэтому, располагая сведениями, достаточными для принятия конкретного решения по производству процессуального действия (например, о вызове дополнительных свидетелей), судья обязан немедленно поставить этот вопрос в судейской коллегии и обсудить его с участниками судебного разбирательства, выполнить данное действие в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Несвоевременное принятие решения о соответствующем действии, а также промедление в его непосредственном исполнении либо нарушение процессуальной формы при его производстве часто приводят к искажению самой информации. Как в этом, так и в другом случае суд вынужден использовать другие средства доказывания, не обеспечивающие максимально быстрого получения информации об исследуемых обстоятельствах, что отрицательно сказывается на адекватности установления искомых по делу фактов, вызывает сомнение в их доказанности.

Профессиональный опыт способствует правильной оценке собранных по делу доказательств, а тем самым влияет на формирование судейского убеждения о доказанности обстоятельств, имеющих существенное значение для разрешения дела. Это подтверждается практикой Верховного Суда СССР. Так, отменяя приговор по делу Живаева, признанного виновным в нанесении умышленных тяжких телесных повреждений Акшевскому, от которых последний скончался, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отметила, что представляется маловероятным, чтобы Акшевский, находясь в тяжелом состоянии после нанесенных ему ударов, мог пройти пешком большое расстояние, а провалившись под лед наполовину, держаться на поверхности и звать на помощь [см.: 9, с. 69]. Пленум Верховного Суда СССР, отменяя приговор по делу Пачека, обратил внимание на то, что при новом рассмотрении дела необходимо критически отнестись к показаниям свидетелей Гуменного и Стрепко, которые четыре раза меняли показания [см.: 10, с. 31]. По делу Богачевой Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР не признала достоверным вывод суда о совершении осужденной хищения, поскольку ее замещали на складе другие лица и «не исключено, что указанные обстоятельства

могли в какой-то мере повлиять на образование недостачи у Богачевой» [9, с. 113].

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что именно профессиональный опыт судей (надзорной инстанции) помог им правильно оценить установленные по делу факты. Так, в первом случае состояние и поведение потерпевшего после нанесения ему телесных повреждений не исключали того, что смерть могла наступить и от иных причин. Во втором деле профессиональный опыт судей подсказал, что, если свидетель несколько раз меняет свои показания, необходимо сопоставить их с имеющимися по делу доказательствами, установить причины изменения и после этого признать показания достоверными либо не заслуживающими доверия. И, наконец, в третьем примере профессиональный опыт судей в рассмотрении дел о хищениях дает основание сказать, что недостача у материально ответственных лиц может быть вызвана и тем, что к ценностям имели доступ иные лица.

Судебная практика подтверждает наличие типичных, более или менее устойчивых способов совершения преступных посягательств. В связи с этим профессиональный опыт дает определенный ориентир для правильного рассмотрения конкретного уголовного дела, но не может подменять собою доказанность вывода о совершении преступления данным лицом. При сходстве, типичности обстоятельств рассматриваемого преступного события с подобного рода делами, разрешенными ранее, судья мысленно переносит на исследование фактических обстоятельств по данному делу версии, тактические приемы и пр., примененные им ранее и приведшие к постановлению законного и обоснованного приговора либо к иному решению (обращение дела к доследованию). Однако, рассматривая уголовное дело, судья не должен рассуждать таким образом: «При исследовании совершенного Н. преступления я не установил таких-то фактов. Нужно ли их устанавливать, если мой опыт свидетельствует, что подобные обстоятельства всегда имеют место». Иными словами, судья не вправе в основу своего убеждения при вынесении приговора включать так называемые фактические аналогии и заменять ими «разрыв» в системе доказательств. Положительная роль фактических аналогий заключается в том, что они активно воздействуют на ликвидацию сомнений в доказанности тех или иных обстоятельств («в ходе исследования по данному делу я установил такие-то факты, из которых вытекают определенные следствия, мой опыт свидетельствует о том же»), «выбирают из профессионального опыта судьи информацию, наиболее ценную для полноты, объективности и всесторонности исследования фактических обстоятельств рассматриваемого уголовного дела, помогают выдвинуть и проверить судебные версии.

Профессиональный опыт судьи помогает систематизировать типичные ситуации при рассмотрении уголовных дел определенных категорий, опосредствующим образом способствуя выработке своеобразных личностных стандартов процессуального поведения судьи. При наличии типичной ситуации судья имеет в своем опыте определенную комбина-

цию процессуальных (следственных) действий, позволяющих достоверно установить искомые по делу факты и определенный «набор» судебных версий, которые могут быть выдвинуты при данной ситуации. На значимость этой систематизации для профессиональной деятельности влияют как усвоенные рекомендации криминалистики, так и собственная оценка самой типичности.

При оценке типичности той или иной ситуации по делу важно установить не только ее сходство с прежним опытом, с ранее рассмотренными судьей уголовными делами, но и их различие, что, по-видимому, является главным, так как расширяет возможности выдвижения судебных версий и их проверку. Сходство в ситуациях само по себе, не подменяя доказанности вывода по делу, в психологическом плане может усиливать категоричность вывода о готовности к практическому действию в том варианте поведения, правильность которого подтверждается прежним опытом судьи. Например, сходство в симуляции подсудимыми потери памяти дает возможность судье при рассмотрении дела собрать необходимые данные для обоснованного назначения судебно-психиатрической экспертизы. Вместе с тем фактическая аналогия, например, заключающаяся в сходстве способов совершения преступления, не является доказательством по делу. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, отменяя приговор по делу Исраилова, в частности, исходила из того, что сходство способов совершения преступления само по себе не может рассматриваться как доказательство по делу [см.: 11, с. 25].

Т. Г. Морщакова и И. Л. Петрухин, исследуя соотношение между стажем работы судьи и количеством отмененных и измененных приговоров, вынесенных под его председательством, отметили, что в целом качество отправления правосудия по мере увеличения стажа работы, а следовательно, и профессионального опыта, возрастает, но не так интенсивно, как можно было предположить [см.: 12]. Таким образом, эта связь не прямолинейна и не всегда правилен вывод, что при большем стаже работы улучшается профессиональная деятельность, поскольку здесь проявляются причины, «ослабляющие рассматриваемую связь». К их числу можно отнести личностные отрицательные сдвиги в профессиональной деятельности судьи, явления так называемого «профессионализма», когда действуют шаблоны оценок без учета конкретных обстоятельств исследуемого преступления. В. И. Ленин резко осуждал тех, кто составлял «убеждения» раньше проверки фактов [см.: 4, с. 226].

В правоприменительной деятельности судьи, когда суд каждый раз изучает индивидуально-неповторимые обстоятельства совершенного преступления, шаблоны и порождаемые ими косвенные стереотипы ведут к неполноте исследования фактических обстоятельств дела.

Результаты анкетирования судей свидетельствуют о том, что с продолжительностью стажа повышается «удельный вес» влияния прошлой преступной деятельности или аморального поведения подсудимого на формирование решения судьи. Так, из 800 судей, при-

нявших участие в анкетировании, этот фактор отметило 63% судей, избранных впервые, 68% — избранных во второй раз, 73% — в третий раз и 75% — в четвертый раз и более. Совершение подсудимым в прошлом преступления суд должен принимать во внимание при избрании меры наказания (ст. 41 УК УССР) и в известных случаях при квалификации преступления. Наряду с этим прошлая преступная деятельность не должна влиять на формирование убеждения судьи в отношении доказанности события преступления и виновности подсудимого, «сковывать» полноту, всесторонность и объективность познания обстоятельств преступления в судебном разбирательстве.

Благодаря профессиональному опыту организуется и вновь поступающая информация, под его влиянием усваиваются и переосмысливаются правовые знания, в частности, в связи с постановлениями Пленума Верховного Суда СССР и Верховных судов союзных республик, решениями кассационных и надзорных инстанций.

Свои выводы по делу судья соотносит с кассационной и надзорной практикой вышестоящего суда. Однако может случиться так, что выводы судьи вступают в противоречие с практикой кассационной инстанции. Перед судьей в этом случае стоит альтернатива — принять решение по своему убеждению либо поступить так, как этого требует вышестоящий суд, но тогда принятое им решение не будет соответствовать его убеждению. Анализируя подобную ситуацию, В. В. Лазарев сформулировал положение, что социалистическое правосудие представляет собой единую систему, и потому любое действующее решение одного суда «в известном смысле» должно связывать решение другого [см.: 13, с. 103]. И. Д. Перлов, В. Я. Трубников, напротив, развивают мысль о несвязанности суда, постановляющего приговор, практикой вышестоящего суда [см.: 14, с. 16; 15, с. 226]. Действительно, в силу ч. 1 ст. 51 Основ уголовного судопроизводства указания суда, рассматривающего дело в кассационном порядке или в порядке судебного надзора, обязательны при дополнительном расследовании и вторичном рассмотрении дела. Вместе с тем ч. 2 ст. 51 Основ уголовного судопроизводства определяет пределы обязательности этих указаний: вышестоящий суд не вправе приводить факты, не установленные в приговоре или отвергнутые им, а также не вправе предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, о достоверности или недостоверности того или иного доказательства и о преимуществах одних доказательств перед другими, о применении судом первой инстанции того или иного закона и о мере наказания.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 17 декабря 1971 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке» отметил, что вышестоящие суды не вправе давать указания, предрешающие выводы органов расследования и суда. При повторном рассмотрении дела суд первой инстанции обязан решить вопросы виновности или невиновности подсудимого, применения уголовного закона и назначения наказания, «исходя

из оценки доказательств по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием». Однако материалы анкетирования судей свидетельствуют о влиянии практики вышестоящего суда на формирование их убеждения при рассмотрении дела по первой инстанции. Так, этот фактор отметило 20,4% судей, избранных впервые, 12,8% — во второй раз, 16,7% — в третий раз и 12,5% — в четвертый и более раз. Таким образом, можно предположить, что с увеличением стажа работы значимость практики вышестоящего суда в формировании убеждения судей уменьшается. Это можно объяснить тем, что судьи с продолжительным стажем работы либо действуют так, как этого требует вышестоящий суд, или «приспосабливаются к практике суда второй инстанции и не осознали (субъективно не восприняли) правильность этих требований.

Приведенные данные анкетирования локальны, но они дают некоторые ориентиры для решения поставленного вопроса. Видимо, практика вышестоящего суда не может не оказывать влияния на формирование убеждения судей первой инстанции в силу однотипности профессионального правосознания, одинаковости понимания требований процессуального и материального законов. Вышестоящий суд, имея опыт рассмотрения значительно большего количества уголовных дел, чем суд первой инстанции, обобщает и наиболее типичные ошибки, ориентируя на недопущение их нижестоящими судами. В этом случае практика вышестоящего суда дает как бы направление полного, объективного и всестороннего рассмотрения обстоятельств совершенного преступления, не предвешая выводов суда первой инстанции. Профессиональный долг судьи состоит в том, чтобы во всех случаях соотносить свое решение с практикой вышестоящих судебных инстанций и, естественно, с надзорной практикой Верховного Суда СССР, в первую очередь.

Список литературы

1. Ленин В. И. Лутовину Ю. Х. — Полн. собр. соч. Т. 52, с. 226.
2. Бородин С. В., Белозеров Ю. Н. Дознание и предварительное следствие. МООН РСФСР, 1965. 282 с.
3. Бекешко С. П. К вопросу о понятии и системе общих условий предварительного расследования. — В кн.: Проблемы совершенствования советского законодательства и деятельности государственных органов. Минск, Изд-во Белорусского гос. ун-та, с. 28—32.
4. Грошевой Ю. М. Факторы, формирующие внутреннее убеждение судей по уголовным делам (на материалах конкретно-социологического исследования). — В сб.: Вопросы государства и права. Вып. 2. М., «Юрид. лит.», 1974, с. 306—316.
5. Гродзинский М. М. Укрепление законности и вопросы уголовного процесса. — «Сов. государство и право», 1955, № 9, с. 58—62.
6. Гуляев А. П. Быстрота уголовного процесса. — В сб.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 18. М., «Юрид. лит.», 1973, с. 38—52.
7. Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 1972. 174 с.

8. Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Социологические аспекты изучения эффективности правосудия. — В кн.: Право и социология. М., «Юрид. лит.», 1973, с. 253—390.
9. Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1960. 261 с.
10. Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М., Политиздат, 1971. 271 с.
11. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., «Наука», 1970. 516 с.
12. Трубников В. Я. Пересмотр решений в порядке судебного надзора. М., «Юрид. лит.», 1974. 215 с.
13. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946—1962. М., «Юрид. лит.», 1964. 335 с.
14. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 5.
15. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1967, № 3.